

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ—
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

М. И. ВОРОБЬЕВА-ДЕСЯТОВСКАЯ,
Л. С. САВИЦКИЙ

Тибетоведение

Изучение Тибета в России началось с 20-х годов XVIII в., со времени обнаружения тибетских рукописей в буддийском монастыре Аблайн-хит на Иртыше. Находка рукописей вызвала большой интерес не только в кругах русских ученых, но и за рубежом, где тибетская письменность и тибетский язык были известны еще очень мало.

С первой четверти XVIII в. русская тибетология прошла длинный и трудный путь. Широта охвата материала и аспекты его исследования на отдельных этапах истории тибетоведения прежде всего обуславливались наличием достаточно подготовленных специалистов, общим ходом развития востоковедения в России и научными интересами самих тибетологов. Представляется возможным выделить пять периодов истории тибетологии в России: 1) с начала 20-х годов XVIII в. (первое знакомство с тибетскими рукописями) до 1829 г.; 2) с 1829 г. до 80-х годов XIX в. — начало интенсивного комплексного изучения Центральной Азии; 3) с 80-х годов XIX в. до 1917 г.; 4) с 1917 по 1941 г.; 5) после окончания Великой Отечественной войны.

20-е годы XVIII в. — 1829 г.¹ Этот период в истории тибетологии в России можно назвать подготовительным. Систематический сбор сведений по географии Тибета, его населению, языку, религии и литературе только начался. Изучение добытых материалов сводилось, как правило, к простому их описанию. Многие из тех, кто работал в этой области в эти годы, не только не были тибетологами, но даже не знали тибетского языка и письменности. Находка тибетских рукописей в монастыре Аблайн-хит поставила русских ученых перед необходимостью сделать эти рукописи достоянием мировой науки, попытаться расшифровать их и интерпретиро-

¹ Некоторые материалы для характеристики этого периода см.: А. И. Востриков, Ольденбург и изучение Тибета, — ЗИВАН, т. IV, стр. 69.

вать. Естественно, что за эту задачу проще и легче было взяться тем, кто мог войти в контакт с живыми носителями тибетского языка. Тибетские ламы жили среди калмыков Поволжья и бурят Забайкалья. Среди них встречались и знатоки тибетской литературы, общение с которыми могло помочь в сборе необходимых сведений о Тибете.

Известный историк акад. Г. Ф. Миллер в 1735 г. посетил селенгинских бурят и познакомился с тибетским ученым из монастыря Чонэ, первым главой бурятского духовенства Агван-пунцогом. Пунцог перевел Миллеру на монгольский язык начало одного из листов тибетской рукописи из монастыря Аблайн-хит и транскрибировал этот текст монгольскими буквами. Миллер не знал монгольского языка, а потому переводчик Иностранной коллегии Петр Смирнов перевел ему монгольский перевод Агван-пунцога и транскрибировал текст русскими буквами. С русского перевода Миллер сделал латинский перевод, который и опубликовал вместе с тибетским оригиналом в 1747 г.² В этой работе Миллер описал развалины Аблайн-хита и поместил буддийские изображения, находившиеся в этом монастыре. Труд Миллера — первая страница русской тибетологии, первая попытка интерпретации тибетского текста в России.

В 70-х годах XVIII в. у селенгинских бурят побывал акад. П. С. Паллас. Он собрал у проживавших там тибетских лам любопытные сведения о географии, языке и религии Тибета. Большую помощь Палласу в общении с ламами оказал И. Ериг (переводчик АН, умер в 1795 г.), который настолько хорошо изучил монгольский и тибетский языки, что перевел для Палласа некоторые отрывки из тибетских литературных памятников. Паллас включил собранный материал и переводы Ерига в два своих основных труда, посвященных описанию бурят, монголов и тибетцев, населявших обширные пограничные районы Российской империи³. В частности, Паллас опубликовал составленное Еригом изложение первых восьми глав и начала девятой главы знаменитого тибетского апокрифического сочинения XV—XVI вв. «Маникабум». После отъезда Палласа Ериг продолжал самостоятельно работать в Кяхте, составил словарь и грамматику монгольского языка, а также подготовил несколько переводов с тибетского и краткий очерк грамматики тибетского языка, которые остались неопубликованными⁴.

² G. F. Müller, *De scriptis tanguticis in Sibiria repertis commentatio*, — *Comment. Acad.*, t. X, 1738, (1747), стр. 420—468.

³ P. S. Pallas, *Sammlung historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften*, II Th., *Sammlung über den Götzendienst, die Geistlichkeit, Tempel und abergläubische Gebräuche der mongolischen Völkerschaften*, hauptsächlich die aus dem Tybet abstammende Fabellehre und damit verknüpfte Hierarchie, St.-Pbg., 1801.

⁴ Работы Ерига и его письма хранятся в АВ (ф. 21). Перечень этих

Миллер, Паллас и Ериг во время своих путешествий собрали первую коллекцию тибетских и монгольских рукописей и ксилографов, которая была передана в АН. Ериг составил и опубликовал первый список тибетских, монгольских и санскритских рукописей и ксилографов, которые находились в это время в АН⁵.

В европейской науке деятельность Миллера, Палласа и Ерига пробудила интерес к тибетскому языку и письменности и подготовила переход к более интенсивному научному изучению Тибета.

1829 г. — 80-е годы XIX в. Научное изучение тибетского языка и литературы в России начинается с 1829 г., когда в состав АН был избран Яков Иванович Шмидт (1779—1847, род. в Амстердаме, с 1829 г. адъюнкт, с 1833 г. ординарный академик). Крупнейший специалист своего времени в области монгольского и тибетского языков, Шмидт пришел в науку после трехлетнего периода коммерческой деятельности среди волжских калмыков. У тибетских лам, проживавших среди калмыков, Шмидт сумел собрать ценные сведения по тибетскому языку, литературе, истории и религии Тибета. Работа в Поволжье послужила для Шмидта хорошей школой монгольского и тибетского языков. Придя в АН уже в зрелом возрасте, полный сил и энергии, Шмидт создал труды, положившие начало русской тибетологии как науке⁶.

Первые его работы посвящены проблемам происхождения тибетской письменности и специфики тибетского языка и письменности сравнительно с индийскими. Положения, высказанные Шмидтом относительно происхождения тибетского письма от одной из разновидностей северного индийского брахми, в значительной мере не поколеблены и до наших дней. Шмидт впервые установил единственно правильный, принятый после его работ во всем мире принцип расположения слов в тибетских словарях, исходящий не из первого по местоположению знака в слове, а из первого корневого знака. Этот принцип сформулирован уже в ранних статьях Шмидта⁷, подготовивших грамматику и словарь тибетского

материалов опубликован: *Dogn, As. Mus.*, стр. 122. См. также: Н. В. Кюнер: *Описание Тибета*, т. II, вып. 1, Владивосток, 1908, стр. 87—88.

⁵ *«Journal für Rußland, hrsg. von J. Busse»*, Bd II, St.-Pbg., 1794. В этом списке упомянуто 258 сочинений. Названия сочинений не приводятся.

⁶ J. Schmidt, *Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter*, St.-Pbg., 1824. Обзор монголоведения и тибетологии 20—30-х годов Шмидт дал в статье «Ueber den Nutzen des Studiums der Orientalischen Sprachen überhaupt, und in besonderer Beziehung auf Rußland», — *St. Petersburg. Zeitung*, 1829, № 17.

⁷ I. J. Schmidt, *Über den Ursprung der tibetischen Schrift*, — *Mém.*, VI sér., t. I, 1832, стр. 41—54; его же, *Über einige Eigentümlichkeiten der tibetischen Sprache und Schrift*, — *Bull. sc.*, t. III, 1838, стлб. 225—231.

языка. Тибетская грамматика была опубликована Шмидтом через пять лет после издания первой научной (в отличие от европейских миссионерских) грамматики, составленной венгерским ученым Чома де Кёрёши⁸, и обнаруживает знакомство автора с этой работой⁹. Следует отметить, что материал для грамматики Шмидт черпал из изученных им самим памятников тибетской литературы, система изложения материала также была продумана и подготовлена самостоятельно уже в его первых работах.

За грамматикой последовал словарь тибетского языка, включивший в себя разнообразную и довольно значительную по объему лексику — результат росписи автором важнейших из известных в то время тибетских литературных памятников¹⁰. Несмотря на то что позднее появились более полные словари Х. А. Ешке и С. Ч. Даса, словарь Шмидта не утратил своего значения, поскольку в нем можно найти лексику, не представленную в других словарях.

Ряд работ Шмидта посвящен истории буддизма. Важнейшая из них — опубликованное в 1830 г. исследование основных положений буддизма¹¹. Большое внимание Шмидт уделял изданию памятников тибетской литературы и письменности; он опубликовал тибетский текст и перевод пользующегося широкой популярностью в Тибете сборника джатак «Дзан-лун» («Мудрый и глупый»)¹²; по его инициативе был литографски отпечатан каталог к нартанскому Канджуру, поступивший в АМ в составе коллекции П. Л. Шиллинга¹³.

Благодаря стараниям Шмидта значительно пополнилось собрание тибетских рукописей и ксилографов АМ, в частности поступили две крупнейшие коллекции (свыше 3 тыс. экземпляров) тибетских ксилографов П. Л. Шиллинга (в 1835 и 1848 гг.). Совместно с О. Бетлингком Шмидт составил каталог тибетских рукописей и ксилографов АМ¹⁴.

Труды Шмидта положили начало русской тибетологии. Они были первой попыткой научного осмысления истории культуры и письменного наследия народов окраин царской России — калмыков и бурят, для которых тибетский язык

⁸ Csoma de Kőrös, A Grammar of the Tibetan Language in English, Calcutta, 1834.

⁹ Я. И. Шмидт, Грамматика тибетского языка, СПб., 1839 (немецкий перевод: Grammatik der tibetischen Sprache, St.-Pbg., 1839).

¹⁰ Я. И. Шмидт, Тибетско-русский словарь, СПб., 1843 (немецкий вариант: Tibetisch-deutsches Wörterbuch nebst deutschem Wortregister, St.-Pbg., 1841).

¹¹ I. J. Schmidt, Über einige Grundlehren des Buddhismus, — Mém., VI sér., t. I, 1832, стр. 89—120, 221—262.

¹² «Dzanglung oder der Weise und der Thor», th. I—II, St.-Pbg. — Lpz., 1843.

¹³ «Kandjur oder der Index des Kandjur», St.-Pbg., 1845.

¹⁴ I. J. Schmidt und O. Boehlingk, Verzeichniss der tibetischen Handschriften, — Bull. hist.-phil., t. IV, 1847, № 6—8, стлб. 81—125.

и литература были действенным средством связи с буддийским миром.

Значительную роль в развитии тибетологии сыграл перевод Н. Я. Бичуриным глав, посвященных Тибету, из китайских исторических сочинений «Нянь-сань-ши» и «Тунь-цзянь-ган-му»¹⁵.

Труды Шмидта были продолжены в АН А. А. Шифнером (1817—1879).

Шифнер был, пожалуй, единственным среди первых русских тибетологов, кто изучал тибетский язык и литературу самостоятельно, а не в процессе общения с тибетскими ламами. Одновременно Шифнер успешно занимался индологией и был автором нескольких крупных исследований в этой области. Научные интересы Шифнера были весьма широки. Он занимался тибетской грамматикой, публикацией тибетских памятников, исследованиями по истории и литературе Тибета, буддизмом и буддийскими источниками. В своих лингвистических штудиях Шифнер в отличие от Шмидта не стремился к описанию тибетской грамматической системы в целом или к составлению практических пособий для изучения тибетского языка. Он пытался подойти к исследованию отдельных фактов тибетского языка с позиций современного ему европейского языкознания. Ряд статей Шифнера посвящен вопросам тибетской фонетики и морфологии. Он впервые дал описание тибетского вокализма и консонантизма и высказал свои предположения о происхождении и функциях тибетских префиксов. Многие из этих заключений не опровергнуты и в наши дни и получили дальнейшее развитие в трудах тибетологов последующих поколений. Интересовали Шифнера и функции тибетских частиц как грамматических формантов¹⁶, а также морфологическая структура слова¹⁷.

Труды Шифнера по буддизму представляют собой издания отдельных памятников буддийской литературы (целиком или в отрывках), буддийских словарей, а также избранных сочинений тибетских авторов по истории распространения буддизма. Одним из первых его исследований по буддизму была биография Будды Шакьямуни, написанная на основе тибетских источников¹⁸. Шифнер подготовил к изданию тексты нескольких сутр канонической тибетской литературы¹⁹.

¹⁵ Н. Я. Бичурин, История Тибета и Хухунора, ч. I—II, СПб., 1833.

¹⁶ A. Schiefner, *Tibetische Studien*. I—IV, —Bull. hist.-phil., t. VIII, 1851; «Über Pluralbezeichnungen im Tibetischen», St.-Pbg., 1877.

¹⁷ A. Schiefner Über eine eigentümliche Art tibetischer Composita, — Bull. hist.-phil., t. XIV, 1857, стлб. 125—128.

¹⁸ «Eine tibetische Lebensbeschreibung Cakjamuni's, des Begründers des Buddhathums, im Auszuge deutsch mitgetheilt von A. Schiefner», — Mém. de div. sav., t. VI, 1851.

¹⁹ См., например: A. Schiefner, *Das buddhistische Sutra der zwei und vierzig Sätze*, — Bull. hist.-phil., t. IX, 1852, стлб. 65—78.

Одновременно с В. П. Васильевым он опубликовал немецкий перевод «Истории буддизма» тибетского автора конца XVI—начала XVII в. Таранатхи²⁰.

Шифнер издал буддийский санскритско-тибетско-монгольский словарь, отпечатав его с досок, привезенных Шиллингом²¹. Много внимания Шифнер уделял изучению тибетского буддийского канона — Канджура и Танджура. В Танджуре его более всего привлекали сочинения по логике, медицине, грамматике — вклад тибетских ученых в буддийскую Трипитаку²². Канджур интересовал Шифнера с точки зрения бытования буддийских литературных сюжетов на тибетской почве, их интерпретации и обработки. Он подготовил к изданию сборник индийских по происхождению историй в тибетской обработке. Опубликованный уже после его смерти в Лондоне²³, этот сборник был высоко оценен европейским востоковедением. Ряд работ Шифнера посвящен исследованию развития отдельных сюжетов в буддийской литературе²⁴.

Стараниями Шифнера коллекция тибетских рукописей и ксилографов АМ увеличилась столь значительно, что уже в 1848 г. ему пришлось составить дополнение к каталогу Шмидта и Бётлингга²⁵.

Академия наук не раз брала на себя издание лингвистических материалов экспедиций зарубежных ученых, организованных Географическим обществом. Большая заслуга в этом принадлежит Шифнеру, подготавливавшему издания, благодаря которым ценнейшие материалы становились достоянием науки и нередко приводили к возникновению новых отраслей языкознания²⁶.

Почти одновременно с Шифнером развивалась деятельность замечательного русского тибетолога и китаевода акад. В. П. Васильева.

²⁰ A. Schiefner, *Tāranātha's Geschichte des Buddhismus in Indien*, St.-Pbg., 1869.

²¹ «Buddhistische Triglotte d.h. sanskrit-tibetisch-mongolisches Wörterverzeichnis, gedruckt mit den aus dem Nachlass des Barons Schilling stammenden Holztafeln und mit einem kurzen Vorwort versehen von A. Schiefner», St.-Pbg., 1859.

²² «Über die logischen und grammatischen Werke im Tanjur», — *Bull. hist.-phil.*, t. IV, 1847, стлб. 284—288.

²³ A. Schiefner, *Tibetan Tales Derived from Indian Sources*, London, 1882, 1906.

²⁴ См., например: A. Schiefner, *Mahākātjājana und König Tshaṇḍa-Pradjota. Ein Cyklus buddhistischer Erzählungen*, St.-Pbg., 1875.

²⁵ «Nachträge zu den von O. Böttlingk und I. J. Schmidt verfassten Verzeichnissen der auf Indien und Tibet bezüglichen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum», — *Bull. hist.-phil.*, t. V, 1848, стлб. 145—151.

²⁶ A. Schiefner, A. Castrén, *Alexander Castrén's Grammatik*. St.-Pbg., 1854; они же, *Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre*, St.-Pbg., 1856 и др. См.: Ливотова, Португаль, № 1708, 1716, 1718, 1721 и др.

Заслуга Васильева заключается в том, что, выдвинув впервые в мире проблемы научного изучения буддизма, он тем самым подготовил возможность появления в России буддологической школы Ф. И. Щербатского, которая зародилась в стенах ФВЯ и АМ, но настоящее развитие получила только после 1917 г.

80-е годы XIX в. — 1917 г. Интерес к изучению Тибета в России усилился в последней четверти XIX в. Предпринимается несколько успешных путешествий в Тибет (О. Норзунов, Г. Ц. Цыбиков, Б. Б. Барадийн) и экспедиций для исследования Центральной Азии и Тибета (Г. Н. Потанин, Г. Е. и А. Г. Грум-Гржимайло, В. А. Обручев, Н. М. Пржевальский, М. В. Певцов, В. И. Роборовский, П. К. Козлов и др.). Последние годы XIX в. и первое десятилетие XX в. явились временем бурного развития центральноазиатской филологии и буддологических штудий во всем мире. Памятники, приобретенные у местного населения, и особенно работы английских, французских, немецких, русских, шведских и японских экспедиций в Восточный Туркестан дали богатейший материал для изучения письменности, языков, истории и культуры народов, населявших некогда Центральную Азию. В обработку и исследование вновь открытых памятников включились ученые многих стран — китаисты, индологи, иранисты, тюркологи. Восточнотуркестанские находки вызвали к жизни новую дисциплину — центральноазиатскую филологию — комплексную науку, одним из звеньев которой стала тибетология. Тибетские документы из Восточного Туркестана, изданные О. Франке и Ф. Томасом, впервые дали материал для исследования старейшего периода тибетского языка, засвидетельствованного письменностью (VIII в.). Тибетские памятники стали привлекаться для интерпретации переводов буддийских сочинений не только на китайский и уйгурский языки, но и на хотано-сакский и согдийский — иранские языки, бытовавшие на территории Центральной Азии в первом тысячелетии н. э.

Русские ученые, связанные с изучением Тибета, его культуры, истории и языка, по праву заняли видное место в блестящей плеяде ученых, вовлеченных в круг занятий центральноазиатской филологией. Организатором школы русских тибетологов стал акад. С. Ф. Ольденбург, ее научным руководителем акад. Ф. И. Щербатской.

Развитие тибетологии в России в этот период было связано прежде всего с путешествиями в Тибет бурятских ученых Г. Ц. Цыбикова и Б. Б. Барадийна, созданием серии «Библиотека буддника» и деятельностью ученых, связанных с этой серией.

Гомбожаб Цыбикович Цыбиков (1873—1930) окончил факультет восточных языков Петербургского университета

в 1899 г. До поступления в университет он много путешествовал по Монголии. АН и РГО остановили свой выбор на Цыбикове как наиболее подходящем кандидате для путешествия в Тибет и сбора сведений по географии и этнографии этой страны. Большое значение имело и то обстоятельство, что молодой ученый был бурятом: это облегчало ему проникновение в Тибет в качестве паломника. Другой задачей, поставленной перед Цыбиковым, было приобретение оригинальных тибетских рукописей и ксилографов. Обе возложенные на него задачи Цыбиков успешно выполнил. Он пробыл в Тибете в общей сложности почти два с половиной года (ноябрь 1899 г. — май 1902 г.). За это время он посетил крупные монастыри Северо-Восточного и Центрального Тибета.

Результаты поездки Цыбикова нашли отражение в его предварительном сообщении «О Центральном Тибете» (прочитано в качестве отчетного доклада о путешествии на общем собрании членов РГО 7/20 мая 1903 г.)²⁷, в монографии²⁸, увидевшей свет уже после революции, и в оставшемся неопубликованным путевом дневнике²⁹. Книга Цыбикова — интереснейший научный труд, содержащий не только описание его путешествия, но и сведения по истории, этнографии, географии и литературе Тибета. О значении книги для тибетологии и для русской науки вообще можно судить уже по тому факту, что подготовителями и редакторами ее были такие выдающиеся ученые, как С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской и секретарь Географического общества А. В. Григорьев. Не менее важным результатом поездки Цыбикова явилась коллекция тибетских ксилографов (333 тома), переданная в АМ и содержащая важнейшие сочинения наиболее известных тибетских авторов³⁰.

Следующее путешествие в Тибет по заданию АН было предпринято Бадзаром Бадзаровичем Барадийным (1878—1939). Инициатива подготовки вольнослушателя гуманитарных факультетов Петербургского университета буряты Барадийна к путешествию в Тибет принадлежала С. Ф. Ольденбургу и Ф. И. Щербатскому (поездку предполагалось осуществить на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии)³¹. Перед Барадийным была поставлена задача углубленного изучения тибетского буддизма и дальнейшего обследования монастырских библиотек. С июня

²⁷ ИРГО, вып. 3, т. XXXIX, 1903, стр. 187—218.

²⁸ Г. Ц. Цыбиков, Буддист-паломник у святынь Тибета, Пг., 1919.

²⁹ Хранится в рукописном фонде БКНИИ, см.: Б. В. Семичов, Г. Ц. Цыбиков — исследователь Тибета, Улан-Удэ, 1957, стр. 20 и сл.

³⁰ Список памятников, привезенных Цыбиковым, опубликован в ИИАН, сер. V, т. XXI, 1904, стр. 01—07.

³¹ Протокол № 2, заседания РКСА, СПб., 1903, стр. 2.

1906 по январь 1907 г. Барадийн совершил поездку в Лавран, которая нашла отражение в его дневниках³² и в книге (перевод тибетского памятника с предисловием и комментариями)³³. В дневниках содержится подробное описание монастыря Лавран, быта его обитателей, а также много сведений о тибетской литературе, буддийской философии и системе монгольского образования. Из Лаврана он привез около 200 томов сочинений тибетских авторов (главным образом издания монастыря Лавран), пополнивших фонды тибетских рукописей и ксилографов АМ³⁴. Краткий предварительный отчет о поездке Барадийна был опубликован С. Ф. Ольденбургом в 1908 г.³⁵

Путешествия Цыбикова и Барадийна в Тибет проходили в тот же период, когда в Восточном Туркестане действовали экспедиции ряда западноевропейских стран. В оазисах Центральной Азии были открыты памятники буддийской литературы, в том числе и части канона, не сохранившиеся в Индии и считавшиеся утраченными безвозвратно. Находки этих текстов, а также изучение тибетских Канджура и Танджура и китайской Трипитаки позволили по-новому подойти к изучению истории буддизма, его философии и литературы, к исследованию путей сложения и эволюции буддийского канона.

С целью ввести в науку вновь открытые буддийские тексты АН по инициативе С. Ф. Ольденбурга приступила с 1897 г. к изданию серии «Библиотека буддика», бессменным руководителем и редактором которой был сам Ольденбург. Он сумел привлечь к участию в изданиях серии крупнейших специалистов всего мира: Ф. И. Щербатского, Е. Е. Обермиллера, О. О. Розенберга, В. В. Радлова, С. Е. Малова, С. Леви, Г. Керна, Л. Валле-Пуссэна, Вогихара, Д. Росса, М. Валлезера и многих других. 14 из 32 томов этой серии посвящены изданию памятников тибетского буддизма (тибетский текст как основной или тибетский параллельно с санскритским), а также материалам по истории буддизма в Тибете. Ряд томов готовил сам Ольденбург. Так, он извлек из коллекции Шиллинга альбом буддийской иконографии, выполненный по заказу Шиллинга бурятским художником и воспроизводящий тибетский ксилограф XVIII в. (последний был издан тибетским ученым Чжанчжа Ролпи-дордже, 1717—1786), снабдил его тибетским алфавитным индексом

³² АВ, ф. 87, оп. 1, № 29, 31.

³³ Б. Б. Барадийн, Статуя Майтреи в Золотом храме в Лавране, — Л., 1924 (ВВ, т. XXII).

³⁴ Список нескольких привезенных памятников опубликован: ИИАН, VI сер., т. II, 1908, стр. 1310.

³⁵ ИРКСА, 1908, № 8, стр. 17—21.

(составили Ц. Ж. Жамцарано и Б. Б. Барадийн)³⁶. Этим сборником широко пользовались как справочником при определении коллекций буддийских изображений, хранящихся в европейских музеях. Ольденбург оказал большую поддержку немецкому ученому проф. А. Грюнведелю в осуществлении предпринятого им описания крупнейшего собрания буддийских изображений и предметов ламаистского культа, принадлежавших Э. Э. Ухтомскому, и перевел часть книги Грюнведеля, опубликованную в «Библиотеке буддика»³⁷.

Большая заслуга в превращении «Библиотеки буддика» в крупнейшую в мире буддологическую серию принадлежит Ф. И. Щербатскому, — основоположнику нового направления в исследованиях, направления, устремленного прежде всего на изучение философии буддизма в связи и на фоне индийской философии. Особое внимание уделял он исследованию параллельных версий — санскритских и тибетских, — а также индийских и тибетских комментариев к ним³⁸.

Одной из первых крупных работ Щербатского для «Библиотеки буддика» было исследование трактата по буддийской логике индийского ученого Дхармакирти, сопровождаемое изданием санскритского и тибетского текстов³⁹. Трудам Дхармакирти посвящено и исследование тибетского перевода другого его сочинения, подготовленного Щербатским для «Библиотеки буддика»⁴⁰. Для исследования знаменитого сочинения Васубандху «Abhidharmaśāstra» Щербатской создал международную группу, в которую вошли О. О. Розенберг, С. Леви, Л. Валле-Пуссэн, Вогихара и Д. Росс. Введение в науку трудов Васубандху имело принципиально важное значение для систематического изучения буддийской философии. Тибетский перевод трактата Васубандху и комментариев к нему увидел свет благодаря стараниям Щербатского⁴¹.

Большую помощь в интерпретации буддийских текстов оказали Щербатскому общение с индийскими и тибетскими

³⁶ «Сборник изображений 300 бурханов по альбому Азиатского музея имп. АН. С примечаниями», ч. I. Рисунки и указатели, СПб., 1903 (ВВ, т. V).

³⁷ А. Грюнведель, Обзор собрания предметов ламаистического культа, ч. I. Тексты, ч. II. Рисунки, СПб., 1905 (ВВ, т. VI).

³⁸ Ф. И. Щербатской, Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. I—II, СПб., 1903—1909.

³⁹ Ф. И. Щербатской, Nyūyabindu. Буддийский учебник логики, СПб., 1904 (ВВ, т. VII); СПб., 1909 (ВВ, т. XI).

⁴⁰ Ф. И. Щербатской, Тибетский перевод сочинений Saṃtanantaśāstrasiddhi Dharmakīrti и Saṃtanantārasiddhitikā Vinitadeva вместе с тибетским толкованием, составленным Агван Дандарлхарампой, Пг., 1916 (ВВ, т. XIX).

⁴¹ Ф. И. Щербатской, Тибетский перевод Abhidharmaśāstrakarikā и Abhidharmaśāstrabhāṣyaṃ сочинений Васубандху, ч. I—II, Пг., 1917—1930 (ВВ, т. XX).

учеными, знакомство с монастырской системой образования на месте, в монастырях и дацанах, личное участие в диспутах на религиозно-философские темы, беседы с тибетскими ламами во время научной командировки в Индию в 1910—1911 гг.

В 1909—1910 гг. состоялась первая поездка С. Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан (на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии). Второй раз в Восточном Туркестане Ольденбург был с экспедицией в 1914—1915 гг. В результате этих поездок АН приобрела богатейшую коллекцию тибетских и китайских рукописей из Дуньхуана⁴². Дуньхуанские рукописи, датируемые IV—XI вв. н. э., дали в руки исследователей буддизма ранние махаянские тексты, которые позволили установить первоначальный текст некоторых буддийских произведений и выявить время их позднейших обработок⁴³.

Ольденбург вел большую библиографическую работу по Тибету⁴⁴. В 1893 г. он опубликовал рецензию на работу К. Маркса, миссионера в Ладаке, издавшего перевод тибетского текста-диалога между Хашан-джалпо и Угтадом. Ольденбургу принадлежат также рецензии на сборник статей А. В. Потаниной о путешествиях по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю, на каталог Танджура, опубликованный Г. Хутом, «Географию Тибета» Минчжул Хутухты, изданную В. П. Васильевым. В 1908 г. Ольденбург опубликовал рецензию на изданный В. В. Рокхилом отчет о путешествии в Тибет Сарат Чандра Даса. С 1904 по 1909 г. Ольденбург регулярно помещал в ЖМНП критические обзоры новейшей русской и иностранной литературы по Тибету. В общей сложности им было отрецензировано 28 книг, попутно были привлечены к рассмотрению около сотни старых и новых печатных работ о Тибете. В своих обзорах Ольденбург собрал и критически оценил заметки путешественников по Тибету; эти обзоры до сих пор могут служить руководящим пособием для каждого, кто изучает путешествия в Тибет.

1917—1941 гг. Создание школы тибетологов — учеников Ф. И. Щербатского происходило уже после Октябрьской революции. В 20-х годах сформировалась группа талантливых молодых ученых, выпускников Ленинградского университета,

⁴² Тибетские рукописи из Дуньхуана (до 200 свитков, написанных по образцу китайских) хранятся в РО ЛО ИВ и специально не исследовались; китайские рукописи в настоящее время обрабатываются. См.: М. И. Воробьева-Десятовская, И. С. Гуревич, Л. Н. Меньшиков, В. С. Спириин, С. А. Школяр, Китайские рукописи из Дуньхуана, I, М., 1963; II, М., 1967.

⁴³ Палеографические данные позволяют датировать каждую рукопись довольно точно, в пределах двух веков.

⁴⁴ Подробно об этом и библиографию работ Ольденбурга см.: А. И. Востриков, Ольденбург, стр. 76—80.

деятельность которых протекала главным образом в АМ и Институте буддийской культуры АН. Созданный в 1927 г. ИНБУК был призван решить новые задачи, вставшие перед советской буддологией (подробнее см. Введение, стр. 41—42).

Среди тибетологов, научные интересы которых определились в эти годы, следует отметить Е. Е. Обермиллера, М. И. Тубянского, А. И. Вострикова и Б. В. Семичова. Е. Е. Обермиллер (1901—1935) был несомненно наиболее выдающимся учеником Щербатского. В 1934 г. в отзыве о его трудах Щербатской писал: «Среди исследователей этой (тибетской. — М. Д., Л. С.) литературы труды Е. Е. Обермиллера, список коих прилагается, представляют совершенно исключительное явление. Они обратили на себя внимание всех историков этой отрасли как в Европе и Америке, так и в азиатских странах, — Индии, Японии, Китае и Монголии. Е. Е. Обермиллер несомненно является лучшим знатоком тибетской литературы, авторитетом в этой области, которому равных нет... Знание источников у него имеется в таком обширном размере, с коим никто поспорить не может»⁴⁵. В 1934 г. Обермиллер был избран почетным членом «Greater India Society», («Общество Великой Индии»), председателем которого был Рабиндранат Тагор. 5 января 1935 г. постановлением Президиума АН Обермиллер был удостоен ученой степени доктора литературоведения за труды по древнеиндийской литературе.

Обермиллер, учившийся на Естественном отделении Физико-математического факультета Петроградского университета, в 1918 г. вынужден был прервать учебу из-за отсутствия средств. Только в 1922 г. он вернулся в университет и в 1925 г. окончил Отделение языка и литературы Факультета общественных наук по Дальневосточной секции. В 1926—1927 гг. Обермиллер шесть раз командировался АН в БМ АССР для обследования дацанов. В 1927 г. Обермиллер опубликовал свой первый научный труд — санскритско-тибетский индекс к сочинениям Ньяябинду и Ньяябиндутака, изданным в серии «Библиотека буддизма» Щербатским. В 1929 г. вышла вторая часть этой работы — тибетско-санскритский индекс⁴⁶. В октябре 1928 г. Обермиллер был зачислен в ИНБУК на должность ученого секретаря Монгольской секции (кроме Обермиллера в ИНБУКе тибетологией занимались Б. В. Семичов, А. И. Востриков, Е. Р. Козеровская и китаист Б. А. Васильев). В эти годы Обермиллер совместно со Щербатским работал над изучением важнейшего трактата

⁴⁵ АВ, ф. 100, оп. 1, № 59.

⁴⁶ E. E. Obermiller, Indices Verborum Sanskrit-Tibetan and Tibetan-Sanskrit to the Nyāyābindu of Dharmakīrti and the Nyāyabindutikā of Dharmottara, I, 1927; II, 1929; (ВВ, XXIV, XXV).

по философии Махаяны Абхисамайаламкара⁴⁷. С 1930 г. Обермиллер по состоянию здоровья вынужден был уйти со штатной работы, но продолжал сотрудничать до 1934 г. в ИВ на договорных началах. В 1934 г. он был зачислен в штат института в качестве ученого специалиста, в 1935 г., за день до своей смерти, был переведен в старшие ученые специалисты. Болезнь, так рано унесшая одного из крупнейших буддологов, впервые дала о себе знать еще в 1923 г. и быстро прогрессировала. В последние годы жизни Обермиллер не мог без посторонней помощи не только передвигаться, но и писать.

С 1927 по 1935 г. Обермиллер написал 30 работ, из них 13 монографий общим объемом более 100 печ. л. 10 работ остались незавершенными⁴⁸. Публикации и исследования Обермиллера по истории Тибета и тибетской литературе, работы по философии различных тибетских школ и направлений отличаются ясностью изложения и безупречной научной точностью. Основная масса работ приходилась на 30-е годы, когда Обермиллер сотрудничал в Индо-тибетском кабинете ИВ под руководством Щербатского. В 1931—1932 гг. Обермиллер работал над переводом с тибетского «Истории буддизма в Индии и Тибете» Бутона (1290—1364). Перевод сопровождался подробным комментарием с привлечением других тибетских и индийских источников и положил начало изучению истории буддизма в Тибете по местным источникам⁴⁹. Не ограничиваясь публикацией тибетского текста Абхисамайаламкара в «Библиотеке буддика», Обермиллер написал исследование этого трактата, посвятив его изучению доктрины Праджняпарамиты⁵⁰. Анализу Абхисамайаламкара посвящено и другое крупное исследование Обермиллера, вышедшее в 1933—1936 гг. отдельным изданием⁵¹. Одно из главных мест среди работ Обермиллера занимает исследование буддийского монизма, написанное на основе тибетского сочинения Уттарагантра и комментариев к нему (Уттарагантра-вйакхья)⁵². Тибетские тексты этих сочинений (с выдерж-

⁴⁷ Th. Stcherbatsky, E. E. Obermiller, *Abhisamayālaṃkāra-Prajñāparāmitā-Upadeśa-Sāstra, The work of Bodhisattva Maitreya*. Fasc. I, Introduction, Sanskrit Text and Tibetan Translation, London, 1929 (BB, г. XXII).

⁴⁸ Список трудов Обермиллера см.: АВ, ф. 100, оп. 1, № 59.

⁴⁹ E. Obermiller, *History of Buddhism (chos-ḥbyung)* by Bu-ston, pt. I, II, Heidelberg, 1931-32. К этой теме Обермиллер вернулся в статье «Bu-ston's History of Buddhism and the Mañjuśrī-mūla-tantra»,—*JRAS*, april, 1935, стр. 299—306.

⁵⁰ E. E. Obermiller, *The Doctrine of Prajñā-parāmitā as exposed in the Abhisamayālaṃkāra of Maitreya*,—*AO Bud*, vol. XI, 1932, стр. 1—132; vol. XII, 1933, стр. 334—354.

⁵¹ E. E. Obermiller, *Analysis of the Abhisamayālaṃkāra*, I—II, Calcutta—London, 1933-36.

⁵² E. E. Obermiller, *The Sublime Science of the Great Vehicle to Salvation*,—*AO Bud*, vol. IX, 1931, стр. 105—117.

ками из комментариев на них Джал-цаб Дхарма-ринчена) были переведены Обермиллером, но остались неопубликованными.

Ряд статей Обермиллера посвящен анализу философских категорий буддизма по индийским и тибетским источникам. Среди них весьма важны работы о нирване⁵³ и о двадцати аспектах термина «шуньята»⁵⁴. Установленные в этих статьях значения буддийских терминов приняты в трудах всех русских исследователей буддизма, вышедших из школы Щербатского, а также и в зарубежной буддологии.

Помимо индексов к сочинениям Дхармакирти и изданию текста и исследования Абхисамайаламкара для «Библиотеки буддиста» Обермиллер подготовил критическое издание санскритского и тибетского текстов Ратна-гуна-самчая, увидевшее свет уже после его смерти⁵⁵.

Изучая философские школы и направления буддизма в Тибете, Обермиллер большое внимание уделял реформатору тибетского буддизма Цзонкхаве и его философским взглядам. Цзонкхаве посвящена статья «Цзонкхава-пандит»⁵⁶, а также оставшийся незавершенным перевод сочинения Цзонкхавы «Легшад-ньингпо» с приложением исследования диалектических систем буддийской философии. Среди незавершенных работ Обермиллера многие сохраняют значение и для современной науки. Так, он подготовил критическое издание текста сочинения Харибхадры «Абхисамайаламкара», издание, примыкающее к серии его работ, посвященных Абхисамайаламкаре. Ученый предполагал издать непальскую рукопись санскритского текста Бхавана-крама (из собрания ИВ) с параллельным тибетским текстом из Танджура и подготовил вступительную статью⁵⁷. Он собирал материалы для работы о тибетских медицинских сочинениях⁵⁸. Специально занимаясь тибетской литературой, Обермиллер своими работами выдвинул советскую тибетологию на первое место в мировой науке.

Другим учеником Ф. И. Щербатского был М. И. Тубянский (1893—1943), соединявший в своем лице тибетолога-буддолога, специалиста по древнеиндийской и бенгальской

⁵³ E. E. Obermiller, *The Account of Buddha's Nirvāṇa and the First Council According to the Vinayaśūdraka*,— *INQ*, VIII, 1932, стр. 781—784.

⁵⁴ E. E. Obermiller, *A Study of Twenty Aspects of Śūnyatā*,— *INQ*, IX, 1933, стр. 170—187.

⁵⁵ E. E. Obermiller, *Prajñāparāmitā-ratna-guṇa-saṃcaya-gāthā*, *Sanskrit and Tibetan texts*, М.—Л., 1937 (BB, XXIX).

⁵⁶ E. E. Obermiller, *Tsoṅ-kha-pa le Paṅḍit*, — «*Mélanges chinois et bouddhiques*», vol. III, 1935, Bruxelles, стр. 319—338.

⁵⁷ Рукопись *Bhāvanā-krama* и статья Обермиллера опубликованы, см.: Э. Н. Темкин, Б. И. Панкратов, *Бхаванакрама*, М., 1960.

⁵⁸ АВ, ф. 100, оп. 1, № 57 (2 тетради).

литературе, по индийским языкам, а также монголиста. Тубьянский окончил Факультет восточных языков Петроградского университета в 1919 г. С 1920 по 1927 г. работал научным сотрудником АМ и одновременно преподавал в ЛИЖВЯ и университете санскрит, бенгали и хинди. В 1927 г. он был командирован АН для работы в Монгольскую Народную Республику и пробыл там до 1936 г., сначала в качестве научного сотрудника Тибетоведческого кабинета Научно-исследовательского комитета МНР (Учком), а с 1930 г. — ученого секретаря этого комитета. За большие заслуги и помощь в развитии науки в МНР Тубьянский был награжден монгольским правительством орденом Труда 1-й степени. По возвращении из Монголии он был зачислен (с 15 апреля 1937 г.) старшим научным сотрудником ИВ.

Часть материалов, собранных Тубьянским в МНР, а также некоторые работы, написанные в годы его пребывания в Монголии, остались в Улан-Баторе, и судьба их неизвестна. Материалы, привезенные из Монголии, он не успел подготовить к изданию и опубликовать, и все они, очевидно, безвозвратно утрачены. Из работ Тубьянского доступны только те, которые были опубликованы до его отъезда в Монголию. В АВ сохранились некоторые материалы Тубьянского; по ним, а также по отчетам, представленным им о работе в Монголии, и по документации Индо-тибетского кабинета за 1937 г. можно судить о широте тематики его исследований.

В 20-е годы Тубьянский занимался изучением буддийского трактата по логике Нйайаправеша и комментариев к нему Шишйахита. Он подготовил для «Библиотеки буддика» исследование этого трактата, содержащее введение (попытка установления авторов трактата), а также китайскую и тибетскую версии и трехязычные индексы терминов. Работа была сдана в издательство АН и в 1926 г. частично набрана, однако книга так и не вышла в свет⁵⁹. Проблеме авторства Нйайаправеша Тубьянский в 1926 г. посвятил специальную статью⁶⁰. В это же время Тубьянский по поручению АН начал разбор рукописных материалов В. П. Васильева и издал «Предварительное сообщение о буддологическом рукописном наследии В. П. Васильева и В. В. Горского»⁶¹. Работа эта была продолжена в 1937 г., после возвращения Тубьянского из Монголии. В этот период под руководством Щербатского был подготовлен проспект новой серии исследования памятников индийской и тибетской литературы, которую предпо-

⁵⁹ Гранки тибетского (21 стр.) и китайского (76 стр.) текстов хранятся в АВ, ф. 53, оп. 1, № 50.

⁶⁰ М. I. Tubyanskiy, On the Authorship of Nyāyapraveśa, — ИАН, VI сер., т. XX, № 10—11, 1926, стр. 975—982.

⁶¹ ДАН-В, № 2, 1927, стр. 59—64.

лагалось именовать «Библиотека индо-тибетика». Тубянскому было поручено подготовить для этой серии выпуск, посвященный обзору китайских и тибетских переводов памятников круга винаи (по рукописям В. П. Васильева), но эта работа не была осуществлена.

В Монголии Тубянский собирал материалы для своей диссертации «Древнеиндийский материализм (по тибетским источникам)», которую он не успел завершить. Он принимал участие в работе монгольских ученых по составлению тибетско-монгольского словаря и написал для него 10 тыс. карточек, которые остались в Монголии. После возвращения на родину Тубянский продолжил эту работу, и по его инициативе АН приняла предложение Научно-исследовательского комитета МНР о совместной подготовке Большого тибетско-монгольского словаря. Словарь был включен в план ИВ, но в 1938 г. работа над ним прекратилась.

В Монголии же Тубянский подготовил «Словарь-справочник по индийской и тибетской медицине» (остался в Монголии). Одновременно он занимался изучением тибетского ламаизма, причем более всего его интересовала религиозно-реформаторская деятельность Цзонкхавы, которого тибетские историки считают основоположником ламаизма. Тубянский подготовил исследование «Ламрима» Цзонкхавы, с переводом, комментариями и словарными указателями. Интересовали Тубянского и более поздние этапы ламаизма; он перевел и прокомментировал сочинения тибетского автора XIX в. Джедоринкхампо «Реформационное движение в ламаизме» и «Сущность Цама»⁶². Важное значение для исследования истории тибетской литературы и тибетского буддизма имел его перевод труда Сумпакханпо «Хронология буддизма в Индии, Тибете и Монголии». Почти все перечисленные работы Тубянского относятся к монгольскому периоду его деятельности и остались в Улан-Баторе. Лишь немного из переводов с тибетского, выписок, словарных списков и индексов сохранилось в фонде Тубянского в АВ⁶³.

В ЛО ААН хранится написанный рукою Тубянского проспект большой работы «История освободительной борьбы ки-

⁶² Названия взяты из списка трудов, составленного братом Тубянского, не востоковедом по специальности (АВ, ф. 53, оп. 1, № 51), и в настоящее время раскрыты быть не могут.

⁶³ АВ, ф. 53, оп. 1, № 50. Здесь, в частности, хранятся: 1) перевод главы «О материалистах» из тибетского сочинения «Дубта-ченмо»; 2) отрывок из сочинения Джедоринкхампо «Танец хранителей веры», перевод с тибетского; 3) «Цангма». Выписка из тибетского текста и перевод; 4) каталог (dkar-chag) сочинений Рин-хьяна (с указанием места и времени издания); 5) набросок списка источников для индекса тибетских авторов.

тайцев, монголов и тибетцев против маньчжурского ига»⁶⁴. Работа была задумана как коллективное исследование и включена в десятилетний план работ ИВ на 1938—1949 гг. В 1938 г. в план Индо-тибетского кабинета предполагалось включить разработку раздела «Антиманьчжурское движение в Тибете в XVII—XIX вв.». В проспекте Тубянский перечислил тибетские материалы, которые он собирался привлечь для исследования.

О другой теме, которой предполагал заняться Тубянский, мы узнаем из проспекта серии «Библиотека индо-тибетика» и его обоснования, написанного Щербатским⁶⁵. В Монголии Тубянский обнаружил санскритский текст произведения Чатухстава, которое раньше считалось утерянным. В 1932 г. этот текст был прислан в издательство АН, но так и не был опубликован. Для «Библиотеки индо-тибетика» Тубянский должен был подготовить санскритский и тибетский тексты Чатухстава с переводом, комментариями и исследованием. Этим планам не суждено было осуществиться.

Одной из талантливых фигур в советской тибетологии был А. И. Востриков (1904—1942). Он окончил Общественно-педагогическое отделение Факультета общественных наук ЛГУ в 1924 г. и через два года был зачислен практикантом в АМ. С 1928 г. Востриков одновременно работал в ИНБУКе, исполняя обязанности сначала секретаря по Тибету, а затем также и ученого секретаря всего института. В 1929 г. в АМ он был избран научным сотрудником II разряда. С ликвидацией ИНБУКа и реорганизацией АМ Востриков был принят 1 октября 1930 г. на должность ученого хранителя в ИВ, а в 1932 г. получил звание старшего ученого специалиста. Почти вся научная деятельность Вострикова проходила в Индо-тибетском кабинете под руководством Щербатского. Долгое время он исполнял обязанности ученого секретаря кабинета, а в 1937 г., когда в кабинете были созданы Тибетская и Индийская группы, стал руководителем Тибетской группы. Востоковед широкого профиля, он был в равной степени и тибетологом, и индологом (в том числе и санскритологом), и монголистом (в частности, специалистом по бурятскому языку и истории Бурятии). Но особенно активно работал Востриков в области тибетологии. С 1928 по 1932 г. он пять раз был в командировках в БМ АССР для изучения дацанов, их быта, буддизма как религии и как философского учения. Из этих поездок Востриков привез огромное количество тибетских рукописей и ксилографов, большинство из которых было передано в ИВ. Очень тщательно собирал

⁶⁴ Ф. 152, оп. 1 (1937), № 41, л. 21.

⁶⁵ Там же, № 41, лл. 13—16.

Востриков и личную библиотеку, которая, по словам Щербатского, представляла собой «ценность совершенно исключительную»⁶⁶.

О научной деятельности Вострикова сохранилось сравнительно немного данных. Лишь небольшая часть того, что он написал, была опубликована при его жизни, остальное составляли рукописи. Все рукописи и материалы Востриков хранил дома, и в АВ они не попали. Очерк о трудах Вострикова, предпосланный вышедшей в 1962 г. его книге «Тибетская историческая литература», к сожалению, не только весьма краток, но и страдает рядом неточностей. Единственный возможный в настоящее время путь восстановления научной биографии Вострикова — это архивные материалы Индо-тибетского кабинета ИВ.

В делах кабинета за 1937 г.⁶⁷ хранится отчет о работах сотрудников кабинета с 1931 по 1937 г., согласно которому были опубликованы следующие работы Вострикова: 1) статья «К библиографии тибетской литературы» (русский текст и английский перевод)⁶⁸, 2) статья «The Nyāyavārtika of Uddyotkara and the Vādanūyā of Dharmakīrti»⁶⁹, 3) монография «Летопись баргузинских бурят»⁷⁰, 4) статья «С. Ф. Ольденбург и изучение Тибета»⁷¹, 5) статьи «Тибетская литература» и «Тибетский язык» для Литературной Энциклопедии и статья «Тибетский театр» для Театральной Энциклопедии (не опубликована).

К этому списку может быть добавлена монография «Тибетская историческая литература», вышедшая в свет в 1962 г., — важнейшая из работ Вострикова по тибетологии и одновременно единственное сводное исследование по данному вопросу.

Из неопубликованных, но готовых к изданию работ в отчете указаны: 1) «Тибетские хронологические таблицы» (тибетский текст), 2) перевод одного из основных сочинений по истории философии — ньяявартикататпарьятикапаришуддхи. 3) «Logic of Vasubandhu», рукопись, 27 печ. л., отправлена для напечатания в Индию (судьба ее неизвестна), 4) «Table of Logical Reasons by Dignaga» — издание тибетского и монгольского текстов и исследование.

⁶⁶ Письмо Щербатского директору ИВ проф. А. П. Баранникову (без даты); см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1938), № 47, л. 21.

⁶⁷ Там же, оп. 1 (1937), № 41, лл. 4—8.

⁶⁸ Русский текст напечатан: БВ, вып. 2—4, Л., (1933) 1934, стр. 19—45; английский текст: «Some Corrections and Critical Remarks on Dr. J. van Manen's «Contribution to the Bibliography of Tibet».— BSOS, VIII, 1935, стр. 51—76.

⁶⁹ IHQ, 1935, vol. XI, № 1, стр. 18—35.

⁷⁰ «Материалы по истории бурят-монголов», — ТИВАН, т. I, 1935.

⁷¹ ЗИВАН, т. IV, 1935, стр. 59—81.

Как известно, Индо-тибетский кабинет ИВ возник одновременно с реорганизацией АМ в 1930 г. Ему были переданы из ИНБУКа все материалы и сотрудники вместе с их темами и планами. Кабинет начал функционировать в следующем составе: заведующий — акад. Ф. И. Щербатской, штатные сотрудники — А. И. Востриков и Б. В. Семичов, научный сотрудник по совместительству — акад. С. Ф. Ольденбург, сотрудник по договорам — Е. Е. Обермиллер. Сотрудники кабинета были одновременно и индологами и тибетологами, в кабинете велись коллективные исследования, в которых принимал участие весь состав кабинета. Деятельность кабинета протекала в трех направлениях: научные исследования и работа над составлением словарей, разбор и описание тибетских ксилографических материалов, составление рабочей библиографии.

До 1932 г. включительно сотрудники ежегодно получали командировки или участвовали в экспедициях в БМ АССР. В 1931 г. в Агинский дацан выезжала целая группа сотрудников: Щербатской, Востриков, Семичов. Обработка материалов, привозимых из этих поездок, также входила в план научных исследований кабинета.

В 1930 г. в план работы кабинета были включены следующие темы по тибетологии, работа над которыми продолжалась и в последующие годы.

1. Составление грамматики тибетского языка. Эта тема была продолжением работы, начатой Востриковым и Щербатским в ИНБУКе. Согласно планам грамматика должна была состоять из двух частей: ч. I, Литературный язык (Щербатской), ч. II, Разговорный язык (Востриков). В дальнейшем тема выпала из планов и отчетов кабинета, и проследить за этапами ее исполнения трудно. По-видимому, в начале 30-х годов были написаны основные разделы грамматики, но она осталась незавершенной. В 1938 г. Щербатской снова включил в план работу над грамматикой. В отчетах и планах за 1938—1941 гг. значится тема — редактирование и подготовка к печати научной грамматики тибетского языка (общим объемом до 30 авт. л.). Весной 1941 г. грамматика была завершена и сдана в издательство. Есть сведения, что текст ее набран, но началась война, набор, видимо, был рассыпан, а рукопись и верстка затеряны. Зимой 1966/67 г. экземпляр верстки грамматики был случайно найден в одной из типографий Москвы, но в ИНА не был возвращен. В 1937 г. в Индо-тибетский кабинет были представлены на обсуждение три статьи по грамматике тибетского языка, написанные по договору сотрудником Китайского кабинета А. А. Драгуновым: «Тибетско-китайские языковые параллели»⁷², «Про-

⁷² Не опубликована.

исхождение тибетских префиксов»⁷³, «Критическое обозрение европейской литературы по тибетской лингвистике»⁷⁴.

2. Составление истории тибетской литературы, сбор материалов по исторической тибетской литературе; обработка курса тибетской литературы, читанного Востриковым в ЛГУ в 1929—1930 гг.; составление хрестоматии по тибетской светской литературе (со словарем). Эта тема числилась в планах Вострикова в течение всего периода его пребывания в институте. В 1931—1932 гг. Востриков занимался выборкой материалов по истории тибетской литературы из хронологических таблиц 1-го Джамьян-шадпы Нгагбанг-дзондуя (1648—1722). В 1932 г. им была подготовлена статья «Библиография тибетской литературы». В 1933 г. в план Вострикова было включено исследование таблиц Нгагбанг-дзондуя («Хронологические таблицы по истории Тибета и истории тибетской литературы»), состоящее из двух частей — тибетский текст (исполнители Востриков и Барадийн) и введение, перевод, именной указатель (с использованием тибетских исторических сочинений, исполнитель Востриков). В 1936 г. тема была завершена, но исследование осталось неопубликованным, и судьба его неизвестна. В 1936—1937 гг. Востриков завершил монографию, посвященную тибетской исторической литературе. Книга, как было указано выше, вышла в свет только в 1962 г.

Тибетской исторической литературой занимался также Обермиллер. В 1930—1931 гг. он прорабатывал тибетские исторические источники (следуя указаниям «Голубых книг»), изучал индийские источники по тибетской историографии (по Манджушримулатантра).

В 1936 г. к изучению важнейших исторических источников приступила Н. П. Ярославцева (позднее Вострикова). В 1936—1938 гг. она планировала подготовку к изданию памятника тибетской исторической литературы «Генеалогия царей» (гэ-раб) 5-го Далай-ламы (издание текста с переводом и исследованием — кандидатская диссертация), но тема не была завершена.

Хрестоматия по тибетской литературе, насколько известно, не была завершена, хотя в 1936 г. она снова была включена в план работы кабинета («Сборник избранных произведений тибетской художественной литературы и поэзии», ок. 25 печ. л., исполнители Щербатской, Востриков, Ярославцева, Чернов, Барадийн и др.).

3. Составление тибетского словаря.

В 1930—1932 гг. росписью текстов и составлением словарных карточек занимались почти все сотрудники кабине-

⁷³ Статья опубликована под названием «Особенности фонологической системы древнетибетского языка», — ЗИВАН, VII, 1939, стр. 284—289.

⁷⁴ Не опубликована.

та. В основу словаря первоначально были положены материалы, готовившиеся в ИНБУКе Востриковым, Обермиллером и Семичовым. В ИВ Обермиллер и Семичов были заняты росписью тибето-монгольских и тибето-тибетских толковых словарей. Востриков разносил на карточки англо-тибетский словарь разговорного языка Ч. Белла. В 1933 г. роспись источников для словаря была временно прекращена, так как сотрудники подготавливали к изданию Артхашастру, составляли терминологический словарь к ней и т. п. В 1935 г. для росписи текстов и составления карточек словаря на договорных началах был привлечен Д. Ц. Цыденов. В том же году в кабинет были приняты молодые тибетологи Н. П. Ярославцева и Дугаров, а также аспирант Г. К. Папаян, которые стали работать над словарем. К 1938 г. планировалось подготовить к изданию тибетско-русско-английский словарь, отражающий прежде всего лексику современного языка, объемом около 35 печ. л. Основная часть работы над словарем выполнялась Ярославцевой; Цыденов занялся сбором терминологических материалов для толкового тибетского словаря. Пришедшая в 1937 г. в кабинет Е. Н. Козеровская расписывала тексты «Дзан-луна» для словаря классического языка. К 1938 г. почти вся словарная работа была прекращена, так как в кабинете из тибетологов осталась одна лишь Козеровская.

29 января 1938 г. дирекция института предложила кабинету разработать новый проект словаря. Проект был подготовлен Щербатским и Козеровской при участии сотрудника Монгольского кабинета Б. И. Панкратова. В нем значилось: «Ввиду небольшого числа сотрудников условно считать срок выполнения 5 лет. Характеристика словаря: практический учебный словарь. Объем: принять за основу словарь Ешке, добавляя материал словаря Даса. Использовать индексы Владимирцова, Обермиллера, Веллера». Работу над словарем вела одна Козеровская. В результате в 1939 г. Щербатской, который к этому времени уже не мог принимать активного участия в работах кабинета, подал в дирекцию докладную записку, в которой указывал, что «составление тибетско-русского словаря, начатое по плану в 1938 г., — мероприятие нереальное: 1) в осуществлении работы принимает участие один сотрудник — Козеровская, 2) работа состоит в переписывании карточек уже готового словаря. Дальнейшие перспективы работы неясны». В 1940—1941 гг. работа над словарем фактически прекратилась. Картотеки, явившиеся плодом многолетней работы сотрудников кабинета, за годы войны были утрачены. В настоящее время в АВ хранится лишь несколько ящиков с росписью карточек словаря Белла, написанных рукою Ярославцевой.

4. В 1930—1932 гг. в план работы кабинета была вклю-

чена тема «Изучение естественных наук, медицины и фармакологии (в контакте с Ботаническим музеем)». Этой темой занимался Б. В. Семичов, который подготовил описание коллекции лекарственных растений Ботанического сада (250 номеров) и совместно с А. Ф. Гаммерман написал и опубликовал в «Сибирском сборнике» Ботанического сада статью «Описание коллекций тибетских лекарственных продуктов главного Ботанического сада АН». Одновременно Семичов готовил к изданию индекс тибетских лекарств по тибетским литературным источникам (в частности, по «Шел-пхрен», около 800 названий). В 1932 г. он закончил статью «Лекарственные растения Индии», которая не была опубликована. Помимо этой темы, а также словарной работы и обработки тибетских рукописей и ксилографов Семичов принимал участие в двух коллективных трудах кабинета: перевод Артхашастры и перевод сборника палийских джатак. В его научные интересы входило также изучение буддийских философских текстов. Он подготовил к изданию санскритский и тибетский тексты философского трактата Кармасиддхи и его перевод на русский язык.

5. Изучение буддийских философских текстов, подготовка к изданию индийских и тибетских памятников. Над буддийскими философскими сочинениями работали все сотрудники кабинета. Самостоятельными исследованиями в области буддийской философии занимались Щербатской и Обермиллер. Щербатской в 30-е годы работал над несколькими темами: диалектический материализм и диалектический идеализм по тибетским источникам; буддийская логика⁷⁵. На 1936—1942 гг. были запланированы с участием Щербатского две темы: 1) исследование философии школы йогачаров, перевод основного трактата этой школы Мадхьянтавибханга (VIII в.) с комментариями, 2) издание текста (с переводом) одного из важнейших трактатов школы йогачаров — Махасанграха (автор Асанга), — совместно с Востриковым. Щербатской подготовил к изданию три части Мадхьянтавибханга, первая часть увидела свет⁷⁶, рукописи двух остальных в архиве Щербатского не обнаружены. Вторая тема не была осуществлена.

В издании памятников индийской и тибетской философии и истории философии активное участие принимал Востриков. В 1934 г. он запланировал работу «Основные течения тибетской философии по сочинению Тугвана (1732—1802) «Дубта-Шелджимелон» (общий объем до 60 печ. л.). Работа должна была издаваться семью выпусками. Первый был подготовлен

⁷⁵ Th. I. Stcherbatsky, *Buddhist Logic*, vol. I, Leningrad, 1932.

⁷⁶ «Madhyānta-Vibhanga, Discourse on Discrimination between Middle and Extremes, Ascribed to Bodhisattva Maitreya and Commented by Vasubandhu and Sthiramati», М.—Л., 1936, (BB, XXX).

в 1934 г.; второй и часть третьего — в 1935 г.; часть третьего и четвертый — в 1936 г.; пятый, шестой и седьмой выпуски планировались на 1937—1940 гг. и не были завершены. Не было осуществлено и другое исследование, которое Востриков предполагал выполнить совместно с Н. А. Невским в 1937 г., — «Трактат Атиши Сатйадвайаватара „Введение в учение о двух истинах — абсолютной и относительной“ (тибетский и тангутский тексты, перевод, примечания, словарь)».

В 1936 г. Востриков и Щербатской начали подготовку к изучению знаменитого историко-астрологического трактата IX—X вв. Калачакра, санскритский и тибетский тексты которого предполагалось издать к концу 1938 г. Для издания были привлечены три рукописи этого произведения: санскритский текст, переписанный в Индии по заказу И. П. Минаева, и фотокопии с двух тибетских рукописей, хранящихся в Лондоне и Кембридже. Материалы, связанные с этой работой, в настоящее время в архиве Щербатского не обнаружены.

6. В планах кабинета 1932—1934 гг. значилась тема «Политико-экономический строй современного Тибета», которой занимался Востриков. В 1932 г. он начал сбор материалов по аграрному вопросу в Тибете. Им был прочитан доклад «Очерки аграрного вопроса в Тибете». В 1933 г. работа над темой продолжалась, и 25 февраля 1933 г. в Монгольском кабинете ИВ Востриков сделал доклад «О теократизме в Тибете». В результате нескольких поездок в БМ АССР у Вострикова накопился большой материал о деятельности дацанов и ламаизме в его современной форме, который он предполагал использовать в книге «Ламаизм и его классовая сущность» (книга не была написана). В 1934 г. тему по аграрному вопросу в Тибете пришлось снять ввиду невозможности осуществить командировку в Тибет для сбора материала.

Таковы основные направления работ по тибетологии, которые выполняли сотрудники кабинета в 1930—1941 гг.⁷⁷ Индо-тибетский кабинет ИВ был единственным научным учреждением в СССР, где занимались изучением Тибета. И несмотря на обширные и разносторонние планы и большой объем выполняемых работ, все время ощущался острый недостаток научных кадров. С увеличением числа сотрудников кабинета, работающих над исследованием проблем современной Индии, вставал вопрос о целесообразности разделения кабинета. Дискуссии по этому поводу развернулись уже в начале 30-х годов. Индо-тибетский кабинет все же оставался единым целым, хотя, по мнению Щербатского,

⁷⁷ В планах и отчетах кабинета за 1930—1934 гг. значатся две большие темы по индологии, в которых принимали участие все сотрудники кабинета, независимо от их специальных занятий: перевод Артхашастры под руководством Щербатского и перевод палийского сборника джатак под руководством Ольденбурга.

«единственная в мире по своей ценности коллекция материалов по Тибету (рукописей и ксилографов) делает возможным выделение Тибетского кабинета в самостоятельный»⁷⁸. В ноябре 1935 г. Востриков подал в дирекцию докладную записку о целесообразности разделения кабинета на Тибетский и Индийский. В записке говорилось: «Создание и существование единого кабинета было обусловлено недостатком соответствующего числа специалистов, а также тем обстоятельством, что отдельные работники сочетали в своем лице специалистов по санскритским и тибетским материалам. В настоящее время появились чистые индологи — Баранников, Бескровный, Чаттопадхья — и чистые тибетологи — Ярославцева, Папаян, Дуганов. Совместное существование индологов и тибетологов в пределах одного кабинета вело к двум нежелательным следствиям: 1) слабое развитие тибетоведения, и так отстающего звена, 2) преобладание буддийской тематики, которая только и может объединить индологов и тибетологов»⁷⁹.

В 1936 г. был создан Новоиндийский кабинет, куда перешли большинство индологов из Индо-тибетского кабинета, но последний продолжал существовать. В марте 1937 г. Индо-тибетский кабинет был разделен на Индийскую и Тибетскую группу. Руководителем Тибетской группы был назначен Востриков. Но к августу 1937 г. из восьми сотрудников и аспирантов остались лишь Щербатской и Козеровская.

В сентябре 1937 г. кабинет был пополнен индологами В. И. Кальяновым и М. А. Ширяевым. Щербатской отказался от руководства кабинетом, и кабинет фактически остался без руководителя до 1941 г. Почти все темы по тибетологии были сняты⁸⁰. Из докладной записки Щербатского, поданной им в 1939 г. в дирекцию ИВ⁸¹, видно, что работа «по обработке Тибетского фонда, начатая несколько лет тому на-

⁷⁸ Выше отмечалось, что в 1930 г. в кабинете работали Щербатской, Востриков, Семичов, Ольденбург (по совместительству) и Обермиллер (по договорам). Все пять были и индологами и тибетологами. В 1932 г. Семичов перешел в МАЭ, а в кабинет были приняты сотрудники-индологи: А. Мухарджи (зам. зав. кабинетом), М. Арронет, М. И. Кукс и В. М. Бескровный. Группа индологов в кабинете усилилась, новые сотрудники в основном занимались проблемами современной Индии. В 1933 г. в штат кабинета был привлечен проф. А. П. Баранников. В 1934 г. в составе кабинета работали Щербатской, Востриков, Баранников, Обермиллер, Бескровный, аспиранты Троицкий и Папаян, сотрудники по договорам Чаттопадхья и Дуганов.

⁷⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1935), № 31, лл. 39—41.

⁸⁰ Щербатской занимался подготовкой к изданию грамматики тибетского языка и переводом Мадхьянтавибханга, Козеровская — словарной и библиографической работой (см. выше историю составления тибетского словаря).

⁸¹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1939), № 46, л. 15.

зад, прекратилась на полпути и в настоящее время мы имеем законченной лишь часть инвентарных книг». Карточного каталога нет, и тибетский фонд «не доступен для ознакомления лицам, желающим заниматься тибетской филологией». Щербатской просил дирекцию привлечь для каталогизации фонда студентов ЛГУ⁸². В планах и отчетах кабинета за 1939—1941 гг. нет никаких сведений о возобновлении работы над Тибетским фондом. Многочисленные поступления ксилографов в 20—30-х годах, составляющие две трети фонда, начали обрабатываться только в 1966 г. Ленинградская тибетология оказалась в критическом положении из-за отсутствия кадров.

Вопрос о кадрах неоднократно поднимался Щербатским и Востриковым еще с первых дней существования кабинета. В 1932 г. в Президиум АН впервые была подана докладная записка за подписями Щербатского и Вострикова о задачах Индо-тибетского кабинета⁸³. В записке отмечалось, что исследования по тибетологии разворачиваются очень медленно, хотя Тибет вызывает большой интерес в мире по ряду причин. Далее следовало предложение создать в одном из вузов кафедру тибетологии и ввести преподавание тибетского языка на кафедрах, готовящих специалистов смежных специальностей.

Сходная по содержанию докладная записка была подана в 1934 г. на имя НС АН СССР и председателя комитета по подготовке кадров акад. В. П. Волгина. Подготовка кадров была отмечена как главная задача и в перспективном плане работы кабинета на семилетие (1936—1942). В плане было указано, что «АН СССР располагает богатейшим в научном мире собранием тибетских рукописей и ксилографов. Труды наших прежних ученых — акад. Я. Шмидта, А. Шифнера и особенно Васильева наша Академия наук завоевала главенствующее положение в мировой тибетологии... главной задачей в области тибетоведения является подготовка новых кадров научных работников, способных ответить конкретным научным трудом на многочисленные и разнообразные проблемы современного и прошлого состояния Тибета и его культуры»⁸⁴. Преподавание тибетского языка на Восточном факультете ЛГУ (на китайской кафедре) началось только с 1953 г., а прием на Тибетское отделение на этой кафедре впервые был проведен лишь в 1955 г.

1945—1968 гг. После окончания войны изучение Тибета

⁸² В 1939 г. для написания каталожных карточек были привлечены студенты ЛГУ И. С. Рабинович и И. Д. Серебряков. Весной 1940 г. после окончания ЛГУ Рабинович был принят в аспирантуру по тибетскому языку, но через 3 месяца мобилизован в РККА.

⁸³ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1932), № 33, лл. 41—52.

⁸⁴ Там же, оп. 1 (1936), № 34, лл. 2—9.

в стенах ИВ долгое время не могло возобновиться из-за отсутствия кадров. Тибетолог К. М. Черемисов⁸⁵, продолжавший обработку Тибетского фонда, не занимался научными исследованиями. Тибетский фонд оказался самостоятельной единицей, не входящей ни в один из кабинетов института. Положение не улучшилось и с возвращением из Китая Б. И. Панкратова, который 7 мая 1948 г. был зачислен старшим научным сотрудником в Сектор китайской филологии, а с 1 сентября того же года исполнял обязанности ученого секретаря Рукописного отдела. В обработке Тибетского фонда он не принимал участия.

После реорганизации ИВ в 1950 г. Черемисов перешел на работу в Москву; работа в Тибетском фонде совершенно прекратилась. Фонд фактически был законсервирован, пользоваться им стало невозможно из-за отсутствия хранилища.

Летом 1951 г. в Сектор восточных рукописей был принят на работу молодой сотрудник В. С. Воробьев-Десятовский (1928—1956), только что окончивший Восточный факультет ЛГУ по специальности индология. В университете Воробьев-Десятовский занимался тибетским языком под руководством Черемисова. В ИВ ему были поручены систематизация и описание многоязычных фондов индийских и центральноазиатских рукописных памятников. С этими материалами связано большинство научных трудов Воробьева-Десятовского. Можно выделить также его работы, касающиеся тибетских документов на дереве из района озера Лоб-Нор. Изучению этих документов Воробьев-Десятовский посвятил три статьи, которые по глубине и четкости решения различных исследовательских задач входят в число лучших работ в этой области⁸⁶.

Воробьеву-Десятовскому принадлежит заслуга возобновления преподавания тибетского языка на Восточном факультете ЛГУ. В 1953 г. он начал вести курс тибетского языка

⁸⁵ Монголист по образованию, Черемисов начал заниматься тибетским языком у Вострикова и Щербатского; в годы войны работал в Улан-Удэ, где продолжал изучать язык. Был принят в ИВ в 1946 г. До 1946 г. К. М. Черемисов написал ряд статей по грамматике бурятского языка, издал словарь этого языка (12 тыс. слов) и подготовил тибетско-русский словарь — индекс к тексту «История буддизма» Бутона (географические названия, собственные имена, названия сочинений индийских и тибетских авторов) — 30 авт. л., а также издание текста хронологических таблиц 2-го Джамджан-шадпы (1648—1722), но эти работы не изданы.

⁸⁶ В. С. Воробьев-Десятовский, Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С. Е. Маловым, — УЗИВАН, т. VI, 1953, стр. 167—175; его же, Тибетский документ на дереве из района озера Лоб-Нор, — ЭВ, т. VII, 1953, стр. 70—76; его же, Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор, — там же, т. VIII, 1953, стр. 77—85; его же, Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор, — там же, т. X, 1955, стр. 68—72.

у китаистов, а с 1955 г. преподавал на вновь открытом Тибетском отделении китайской кафедры язык и введение в тибетологию. Воробьев-Десятовский проработал в ИВ всего пять лет, до июня 1956 г., однако именно с него началось возрождение тибетологии в стенах ИВ.

В сентябре 1956 г. К. М. Черемисов и Б. И. Панкратов по заданию администрации Рукописного сектора ИВ составили докладную записку о перспективах возрождения тибетологии в стенах института, в которой были перечислены тибетские памятники и работы тибетологов предшествующих поколений, нуждающиеся в издании. В этой же докладной записке был вновь поднят вопрос о приведении в порядок тибетского ксилографического и рукописного фонда.

В 1957 г. в СССР вернулся один из крупнейших тибетологов, Ю. Н. Рерих (1902—1960)⁸⁷, поселившийся в Москве и работавший в ИВ. Ленинградские тибетологи поддерживали с ним тесные научные контакты.

В настоящее время работа тибетологов ЛО связана прежде всего с разбором и описанием фонда тибетских рукописей и ксилографов, что входит в план Воробьевой-Десятовской и Савицкого. М. И. Воробьева-Десятовская занимается также исследованием грамматики тибетского языка VII—XI вв.⁸⁸ Л. С. Савицкий изучает тибетскую апокрифическую литературу (псевдоэпиграфы агиографического содержания)⁸⁹. Сотрудник китайского кабинета А. С. Мартынов занимается историей тибетско-китайских отношений при династиях Мин и Цин⁹⁰.

⁸⁷ Жизненный и научный путь Рериха подробно изложен в предисловии «Памяти Ю. Н. Рериха» (стр. 7—18) к его книге «Тибетский язык», написанном Г. М. Бонгард-Левиним и А. М. Пятигорским; см. также некролог: «Ю. Н. Рерих», — ПВ, № 3, 1960, стр. 338—339.

⁸⁸ См. статьи: М. И. Воробьева-Десятовская, Временные формы в тибетском глаголе VII—XI вв., — НАА, 1966, № 4, стр. 176—183; ее же, Сложные глагольные формы в тибетском языке VII—XI вв. (тезисы), — ПИКНВ, II, стр. 52—54.

⁸⁹ Л. С. Савицкий окончил в 1960 г. Отделение тибетской филологии Восточного факультета ЛГУ; см. его статьи: «Памятник тибетской апокрифической литературы „Кадам-легбам“ (XV в.)», — сб. «Восточная текстология» (в печати); «О некоторых особенностях тибетской литературы XIV—XVI вв.», — сб. докладов научной конференции «Жанры и стили литератур Дальнего Востока» (в печати); «Некоторые вопросы истории и датировки „Завещаний“ Сронгцзан-гампо (тезисы)», — ПИКНВ, III, стр. 26—28.

⁹⁰ А. С. Мартынов, китаист-филолог, в 1957—1960 гг. был аспирантом ЛО ИНА (руководитель Б. И. Панкратов), сейчас — сотрудник Китайского кабинета; см. его статьи: «О некоторых особенностях политики цинского правительства в Тибете в конце XVIII в. (Предыстория маньчжурского похода на Непал в 1792 г.)», — сб. «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966, стр. 243—263; «О первых чеканках монеты в Тибете», — КСИНА, № 69, 1965, стр. 197—202; «Об одной специфической черте восточного государства», — сб. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», М., 1966, стр. 220—221.

Подводя итог почти 250-летней истории отечественной тибетологии, одной из старейших востоковедных дисциплин русской науки, можно с полным основанием сказать, что она прошла путь, богатый замечательными исследованиями языка, истории, философии и литературы «страны снегов» — Тибета, а также Центральной Азии.

Блестящая плеяда академиков (Я. И. Шмидт, А. А. Шифнер, В. П. Васильев, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской) и их ученики своими трудами выдвинули русскую и советскую тибетологию на ведущее место в мире. После некоторого перерыва растут, хотя и весьма медленно, ряды тибетологов и качество их подготовки. Отечественная тибетология постепенно возвращается на ту позицию, которую она занимала в 20—30-е годы XX в. — время ее расцвета⁹¹. И залогом осуществления этого служит наличие в ЛО ИВ богатейшего и крупнейшего (среди европейских, американских и японских собраний) тибетского фонда рукописей и ксилографов — хранилища целого ряда уникальных материалов тибетской письменной культуры.

⁹¹ На Восточном факультете ЛГУ преподает тибетский язык и литературу Б. И. Кузнецов (китаист-филолог, в 1956—1959 гг. — аспирант ЛГУ под руководством Б. И. Панкратова); он перевел XVIII глосу сочинения «Джалраб-салваимелонг» (Б. И. Кузнецов, Тибетская летопись «Светлое зеркало царских родословных», Л., 1961) и издал критический текст этого произведения (B. I. Kuznetsov, *Rgyal rabs gsal ba'i melong. The Clear Mirror of Royal Genealogies. Tibetan Text in Transliteration with an Introduction in English*, Leiden, 1966).

В БКНИИ СО АН СССР (Улан-Удэ), где имеется тибетский фонд (см. Б. Д. Дандарон, Описание тибетских рукописей и ксилографов, Улан-Удэ, вып. I, 1960; вып. II, 1965), работает группа тибетологов: Б. В. Семичов, Р. Е. Пубаев, Б. Д. Дандарон, Бал-Доржи Бадараев, К. М. Герасимова.